

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 323.1.01

© С.В. Чешко

«РУССКИЙ ВОПРОС» В ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассматриваются понятия «русский вопрос», «русский мир», «русскоязычные», «соотечественники», составляющие важную часть концептуализации внешнеполитических задач России с точки зрения многих российских политиков и экспертов. Автор полагает, что эти понятия в значительной степени имеют умозрительный характер и малопригодны для практической политики.

В этом же контексте анализируется категория самоопределения. По мнению автора, трактовка этой категории в международном праве устарела и требует ревизии.

Ключевые слова: «русский вопрос», «русский мир», «русскоязычные», «соотечественники», «самоопределение»

Концептуализация «русского вопроса»

Пресловутый «русский вопрос» составляет важную часть политического сознания российской интеллигенции на протяжении уже, как минимум, целого столетия. А в XIX в. видные историки, философы, публицисты очень много писали о месте России в тогдашнем мире, о российской специфике и путях ее развития.

Можно, конечно, иронизировать насчет нашей, наверное, национальной особенности – всюду создавать какие-то «вопросы», а потом мучительно искать ответы на них. Зачастую – в беспощадных дискуссиях и не интересуясь тем, что на этот счет думают сами «простые русские». Рискну предположить, что эти «простые русские» в своем большинстве не подозревают, что они являются объектом глубокомысленных «дискурсов» об их особой судьбе и особых проблемах в России. И, может быть, слава богу, что не знают!

В сегодняшнем российском политическом «истэблишменте» рассуждения о «русском вопросе» сосредоточены преимущественно на частях русского народа в странах «ближнего зарубежья» и «дальнего зарубежья», а не на положении русских

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

* Обращаем внимание авторов на то, что статья дана – в качестве образца – с учетом новых правил оформления сносок и списка литературы, которые будут действовать с 3-его номера журнала. Просим внимательно ознакомиться с этими правилами и соблюдать их. – Редакция.

в самой России. В первом случае речь идет о защите гражданских, языковых, образовательных, культурных (в том числе религиозных) прав в «постсоветских государствах», в которых возникают проблемы на этой почве – в государствах Прибалтики, на Украине; о Средней Азии и Казахстане практически ничего не говорится – видимо, по геополитическим соображениям (о Туркмении – практически ничего). Есть еще программа реэмиграции русских в пределы Российской Федерации, но она действует не очень эффективно в силу нерешенности социально-экономических (в том числе жилищных и инфраструктурных) проблем в провинции – а фактически сразу за пределами МКАД. Во втором случае речь идет о поддержании духовной солидарности русской эмиграции в странах «дальнего зарубежья» с современной Россией и культурных связей.

На институциональном уровне все эти настроения и интенции оформлены в структуре фонда «Русский мир», учрежденный во исполнение Указа Президента РФ В.В. Путина от 21 июня 2007 г.

Основные задачи фонда формулируются так [1]:

- поддержка общественных и некоммерческих организаций, профессиональных объединений, научных и образовательных учреждений, предметом деятельности которых являются исследования и разработки методик преподавания и программ изучения русского языка и литературы, исследование истории и современной России;
- содействие распространению объективной информации о современной России, российских соотечественниках и формированию на этой основе благоприятного по отношению к России общественного мнения;
- поддержка национальных и международных организаций и объединений преподавателей русского языка и литературы;
- сотрудничество с российскими, иностранными и международными государственными, общественными, научными, коммерческими, некоммерческими и благотворительными организациями, учреждениями образования и культуры, иными учреждениями, организациями и объединениями, частными лицами в деле популяризации русского языка и культуры;
- поддержка деятельности российских диаспор за рубежом по сохранению их культурной идентичности и русского языка как средства межнационального общения, содействие установлению климата межнационального уважения и мира;
- поддержка экспорта российских образовательных услуг;
- содействие экспертным, научным и образовательным обменам, соответствующим целям Фонда;
- поддержка зарубежных русскоязычных и российских средств массовой информации и информационных ресурсов, ориентированных на достижение целей Фонда;
- поддержка усилий общественных организаций и государственных учреждений по сохранению рукописного наследия России;
- взаимодействие с Русской православной церковью и другими конфессиями в деле продвижения русского языка и российской культуры.

Здесь вроде бы все понятно и логично, но вот ключевая проблема – как определяется область «Русского мира».

«Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это еще и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует ее будущее.

Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологически неоднородного, мультикультурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России.

Формируя «Русский мир» как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития.

Все перечисленные признаки характерны как для россиян, проживающих в стране, так и для остального Русского мира» [Там же].

А проблема остается той же, что возникла практически сразу после распада СССР – как соотнести понятия «русские» и «русскоязычные». Иноэтничные русскоязычные (а таковых в СССР было много!), к тому же, если они стали гражданами не новой России, а других постсоветских государств, входят ли в область «русского мира», хотят ли они сами там пребывать? Этнически русские украинские националисты – вряд ли. Это экстремальный пример, но ведь и других вариантов этнической и языковой дихотомии можно выделить немало. В сухом остатке: если учитывать все возможные разновидности «русскости» или сопричастности с нею, то *«русский мир» – это русский (или квазирусский) сегмент самосознания человека, безотносительно к его этническому происхождению, языковой идентичности и языковой компетенции, национальной принадлежности.*

Можно еще упомянуть популярные рассуждения о «русской цивилизации», «российской цивилизации», «евразийской цивилизации», которые не несут в себе ничего конкретного и практического. А в итоге получается концептуальная и идеологическая неразбериха.

В ходу также понятие «соотечественники», которое как-то, но не вполне понятно, как именно, соотносится с понятиями «русские» и «русскоязычные». Видимо, оно шире, распространяясь на всех бывших граждан СССР, о которых тоже вроде бы надо заботиться. Но опять возникает вопрос – а хотят ли все бывшие граждане Советского Союза быть соотечественниками для современной России?

Даже столь беглое рассмотрение базовых понятий, лежащих в основе идеи «русского мира», показывает, что сама она имеет больше идеологический, пропагандистский характер, нежели практический – для выстраивания четкой и последовательной политики. Это, безусловно, тоже важно на фоне тотальной информационной войны против России на Западе. По сути, речь идет о стимулировании формирования своего рода духовной «пятой колонны», мобилизации общественного мнения за рубежом в пользу России. Но данная статья касается именно практической политики.

Политические аспекты «Русского вопроса»

В 1995 г. вышла в свет монография В.И. Козлова «Русский вопрос. История трагедии великого народа». Книга осталась практически неизвестной за пределами Института этнологии и антропологии РАН, где работал автор. То было время, когда академические институты фактически бросили на произвол судьбы, бюджетного финансирования не всегда хватало хотя бы на регулярную выплату зарплаты, о финансировании экспедиций, издательскую деятельность и прочем, необходимом для нормальной научной работы, не приходилось и мечтать. Сотрудники как-то выкручивались и все же умудрялись публиковать свои труды за счет случайных источников финансирования, нередко на собственные сбережения, во всевозможных, подчас, весьма сомнительных типографиях, при отвратительной полиграфии, на плохой бумаге, при отсутствии какого-либо дизайна. Монография В.И. Козлова как раз и относится к такому роду изданий рода изданиям (в 1996 г. вышло второе издание, но ненамного лучше по исполнению). А потом о ней забыли, кажется, и в собственном Институте – во всяком случае, я не припомню, чтобы на нее в последние годы ссылались или хотя бы упоминали.

Пишу об этом не для того, чтобы вернуть в научный оборот незаслуженно забытый труд. Таких, практически неизвестных публикаций в 1990-е годы были изданы сотни (это только по нашему Институту!). Они очень неравнозначны по научной значимости, хотя среди них есть действительно заслуживающие внимания и сегодня работы. Кстати, вот хорошая тема для полезного историографического исследования по недавней – практически вчерашней – истории отечественной этнологии.

С пафосом, методологией и идеологической направленностью книги В.И. Козлова я как не был согласен, так и остаюсь несогласным до сих пор. А обратился я к ней потому, что она хорошо выражает одну из заметных тенденций в российской общественно-политической мысли тогдашнего «смутного времени» – впрочем, нельзя сказать, что сегодня она вовсе сошла на-нет.

В.И. Козлов так определял суть «русского вопроса»: «... понимаю под ним две основные группы проблем, одна из которых относится к понижению жизнеспособности русского этноса, другая – к ухудшению отношения к нему со стороны большинства так называемых “титulyных” этносов, имеющих свою национальную государственность, к умалению его прежде ведущей роли в жизни многонациональной России» [2: 6]. И в цитируемой работе, и в других публикациях того времени утверждалось, что союзные («нерусские») республики жили за счет русского народа (показательно, что в период «суверенизации» конца 1980-х – начала 1990-х годов в этих республиках звучала противоположная мысль, что именно их республики подвергаются угнетению и ограблению и поэтому путь к благоденствию лежит через обретение независимости или, в более умеренном варианте, большей политической и экономической самостоятельности). В качестве одной из причин такого положения понималось то, что русский народ, в отличие от «титulyных» этносов других союзных республик, не имел своей национальной государственности, поскольку РСФСР фактически не имела такого статуса, будучи средоточием многих народов, включая целый ряд тоже национальных автономий разных уровней, а русский народ никогда не считался «титulyным». А после распада СССР в Российской Федерации остались только национальные же республики и «безнациональные» края и области. Отсюда и делался вывод о необходимости создания в рамках РФ русской национальной государственности [2: 303 и др.], которая могла бы обеспечить права русского этноса.

Справедливости ради надо сказать, что в публикациях того времени высказывались и более взвешенные мнения. Так, в книге, вышедшей примерно в то же время – «Русский народ в национальной политике. XX век» (А.И. Вдовин, В.Ю. Зорин, А.В. Никонов) – рассматривается судьба русского народа как государствообразующего со всеми вытекающими из этой тяжелой миссии последствиями [3]. Но никакой антирусской конспирологии в этой книге нет. Надеюсь, нет ее и в моей книжке «Идеология распада», вышедшей в 1993 г. (как и в сделанной на ее основе другой публикации – «Распад Советского Союза») [4; 5].

Невозможно оспаривать тот факт, что в СССР «метрополия» – Россия – была донором «колоний» (союзных республик), в результате чего многие из них жили в большей или меньшей степени лучше, чем сама метрополия, а она (и по этой причине) испытывала тяжелые социально-экономические и демографические проблемы – взять хотя бы деградацию российской сельской глубинки. В этом смысле многие приведенные данные в книге В.И. Козлова – о социально-экономическом, демографическом, культурно-инфраструктурном и пр. развитии регионов страны – не вызывают особых возражений. Но на основании одних и тех же данных можно делать совершенно разные выводы. В русской националистической литературе вывод был таков, что в советское, горбачевское и ельцинское времена проводилась целенаправленная политика по удушению русского народа.

Между тем, политика государства в то время объяснялась не какой-то русофобией руководства страны, а вполне практическими политическими и идеологическими соображениями. Политика Советской власти с самого начала предусматривала подтягивание жизненного уровня, социального и культурного развития окраин, перетаскивание наиболее «отсталых» народов в социализм, минуя капитализм. Отсюда – и политика коренизации 1920-х годов, которая, впрочем, сохранилась в некоторых своих чертах вплоть до распада СССР, и национально-государственное размежевание в Средней Азии и Казахстане, и создание всей иерархии национальных автономий. А начиная с правления Н.С. Хрущева, добавилась еще необходимость обеспечения лояльности этнических политических элит, которые сама же Советская власть и создала.

Трактовка «русского вопроса» в духе В.И. Козлова и других, близких ему по духу авторов несла в себе сильный разрушительный потенциал. Вместо того, чтобы ставить вопрос о разгосударствлении этничности, предлагалось ее «доогосударствить» и таким образом фактически окончательно расколоть страну по этническим границам на политической карте и в умах людей.

Естественным развитием подобных идей, родившихся в научной среде, стал взрыв русского этнического национализма (вслед за прочими этническими национализмами) в 1990-е годы, когда страну захлестнул вал радикальной националистической литературы, листовок, прокламаций, в которых повествовалось о заговоре против русского народа, о засилье и зверствах «жидомасонов», мигрантов с Кавказа и из Средней Азии, появились радикальные националистические организации, улицы терроризировали бритоголовые (скинхеды) и другие группы неонацистской направленности, охотившиеся за «черными» – выходцами с Кавказа, из Средней Азии, стран Африки, Азии и Латинской Америки.

В последние годы этот вал заметно спал благодаря взвешенной политике государства в «национальном вопросе» и, как можно догадаться, более активным действиям правоохранительных органов в связи со ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти

либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), касающейся, в первую очередь, разжигания межнациональной розни, от применения которой они прежде шарахались, опасаясь перегнуть палку (надо сказать, что эта статья вызывала справедливую критику из-за неясности в вопросах ее правоприменения). Но тенденция не исчезла. Сегодня русские националисты ополчились на идею российской нации, которая якобы ведет к «отмене» русской нации [см., напр., 6] – и по схожей причине эту идею невзлюбили их коллеги из других этнических националистических движений.

В действительности за идеей российской нации не стоит ничего зловещего ни для русского народа, ни для других народов России. Речь идет только о признании неоспоримого факта существования в России единой гражданской (полиэтничной, поликультурной, поликонфессиональной) общности, как и в других развитых странах мира, и о необходимости преодоления застарелого советского терминологического стереотипа – «этнизации» нации [см. 7: 144–147].

Возвращаясь к основной теме статьи, позволю себе утверждать, что все, о чем сказано выше, не имеет никакого отношения к пресловутому «русскому вопросу». Потому, что ни в СССР, ни в постсоветской России не проводилось какой-либо целенаправленной политики против русского народа. Проблемы, о которых обычно говорится в контексте этой темы, касаются, главным образом, особенностей и слабостей строения и функционирования специфической советской федеративной системы, отношений между регионами страны (с их особенностями этнического состава населения), между регионами и центральной власти и т. п. Русофобские настроения существовали на бытовом уровне и отчасти на институциональном уровне (в политике руководства некоторых союзных республик), но этнических фобий было немало и других, а русские были вынуждены нести крест «старшего брата». При желании можно составить целый список аналогичных этнических «вопросов» (под чем наверняка подпишутся радикальные патриоты соответствующих народов), но это абсолютно не даст адекватного понимания социально-экономических и общественно-политических процессов в России. А будет лишь провоцировать взаимные обиды и разделение общества на «этнические курии». Впрочем, справедливости ради надо отметить, что «русский вопрос» действительно существует в ряде постсоветских государств, избравших русофобию для решения своих внутренних и внешнеполитических проблем.

«Русский вопрос» в постсоветских конфликтах

Итак, понятие «русский мир» оказывается столь же неясным, как и само явление, которое им пытаются обозначить. Последнее наполнено многими смыслами и поэтому не имеет однозначной определенности. И уж совсем сложные идеологические проблемы возникают в тех случаях, когда какие-то части «русского мира» оказываются вовлеченными в острые конфликты за пределами России.

Возникает вопрос, необходимо ли защищать русских – именно в силу того, что они русские – в таких конфликтах? И другой вопрос – а надо ли защищать кого-то еще, если они оказываются в аналогичных ситуациях?

На второй вопрос российское государство частично ответило на практике, остудив Грузию в 2008 г. в ходе ее нападения сил на Южную Осетию и заодно окончательно вытеснив грузинские вооруженные силы из Абхазии. Разумеется, атака на российский миротворческий кордон в Южной Осетии была только одним из поводов

для ответных действий со стороны России. Другая причина заключалась в особых обязательствах перед обеими кавказскими республиками. Думаю, было и третье – стремление усилить позиции России на Южном Кавказе.

Конечно, зарубежные оппоненты и наша внутренняя «либеральная» Фронта (ставлю в кавычки, потому что некогда понятные политические и политико-экономические дефиниции сегодня во многих случаях чудесным образом видоизменились до неузнаваемости) обвиняют российские власти в неоимперскости. Ладно, если тебе постоянно внушают, что ты империя (при всей неоднозначности этого понятия, поскольку империй было много и разных), то, возможно, надо ею и быть, и не стоит этого уж очень стесняться – другие-то не стесняются. Но важнее другое: хотим мы того или нет, но современная Россия просто вынуждена нести ответственность за судьбу тех людей, предков которых она собрала в своих границах, а потом переселяла, аккультурировала, модернизировала и пр., в результате чего получился «советский народ» – проще говоря, советская нация, некоторые части которой (и не только русские, оказавшиеся в этих сегментах новых независимых государств) испытывают фантомные боли и реальные проблемы в результате усекования некогда единого политического, экономического и, в значительной степени, культурного организма.

Но обратимся теперь к наиболее актуальной сегодня проблеме в контексте гипотетического «русского вопроса» – конфликтам на Украине.

Обращает на себя внимание обычная риторика российских государственных деятелей, политиков, политологов в трактовке позиции России вокруг событий в Крыму и на Юго-Востоке Украины в их этническом аспекте. Если суммировать, то получится так: там живут русские, а мы своих не сдаем; Крым – русский. Нисколько не сомневаюсь в том, что возвращение Крыма в состав России стало исправлением исторического недоразумения, случившегося по причине волюнтаризма Н.С. Хрущева, да еще спровоцированным политикой нынешних украинских майданных властей. Не сомневаюсь и в том, что права русских за рубежом надо защищать – даже при всех тех оговорках и сомнениях, которые я приводил выше. Но есть важные нюансы, касающиеся темы данной статьи.

Один из них заключается в том, что эта риторика касается главным образом или даже исключительно русских в государствах, возникших на месте СССР. Так, операция наших вооруженных сил в Сирии не обосновывалась в том числе и тем, что там живет немало русских и вообще выходцев из России (СССР). Российские власти никак, во всяком случае публично, не отреагировали на недавнее обращение «Конгресса русских американцев» к Д. Трампу по поводу ущемления прав русских в США. Правда, наши спасатели стараются эвакуировать граждан бывшего СССР, а заодно и других стран, из «горячих точек» (Йемен, Сирия и др.). И вновь встает вопрос, озабочена ли Россия судьбой всех недавних «соотечественников», ставших таковыми после распада Советского Союза. А попутно и другой вопрос – занимают ли такую же позицию другие постсоветские государства в отношении своих граждан (в том числе «этнических граждан») за рубежом? И опять возникает дихотомия между понятиями «русский» и «русскоязычный». Должна ли Россия защищать права русскоязычных представителей нерусских этносов?

Крым – поголовно русскоговорящий и в очень большой степени русскоязычный, имея в виду языковую самоидентификацию по категории «родной язык» (при всем том, что я неизменно пребываю в сомнении относительно адекватности,

точности этой категории). На полуострове русский язык считают родным более 80% населения, а собственно русские составляют около 65 % жителей Крыма [8: 80] – только украинцев и татар (включая крымских татар и лиц, указавших в ходе переписи населения Крыма, проведенной в октябре 2014 г., национальную принадлежность «татары») в совокупности насчитывается свыше 700 тыс. человек, а есть еще десятки других этнических групп. И при этом свыше 90% лиц, обладавших на тот момент избирательным правом, проголосовали сначала за независимость Крыма, а потом и за его вхождение в состав России. Как мы видим, фактор «русского вопроса» здесь играет важную, но далеко не единственную роль. В этнокультурном плане не меньшее значение имеет то, что преобладающая часть крымского населения ориентирована на русскую культурную и историческую традиции. А в политическом и социально-экономическом планах – опасение за свою судьбу и безопасность в свете разгула на Украине украинского этнонационализма после свержения Януковича. Как бы то ни было, факт таков, что самоопределение в Крыму только отчасти носило характер этнического ирредентизма – в целом же это, скорее, можно характеризовать как самоопределение своеобразной территориальной и историко-культурной общности.

Теперь о Юго-Востоке Украины. 11 мая 2014 г. две восставшие области страны – Донецкая и Луганская – провели референдум о независимости. Результат оказался таким же, как в Крыму. По многим признакам можно предполагать, что дончане были готовы и к следующему шагу – проголосовать за вхождение в состав России, но само российское руководство не было готово к тому из-за тяжелой внешнеполитической ситуации, усугубившейся после присоединения Крыма.

Попутно заметим, что и в других областях юго-восточной Украины с традиционным доминированием русского языка и русской культуры настроения были похожие, но здесь не сложились сильные общественные движения за отделение от Украины или, по крайней мере, за обретение большей самостоятельности – видимо, во многом потому, что киевские власти вовремя приняли превентивные меры. Надо также иметь в виду, что Донбасс отличается чрезвычайно высокой концентрацией шахтеров, металлургов и работников других промышленных отраслей, а эта категория населения характеризуется высокой солидарностью и сплоченностью.

Главные причины восстания на Донбассе – курс на насильственную украинизацию населения страны, который в завуалированном виде проводился на протяжении всей ее постсоветской истории и резко усилился после государственного переворота в феврале 2014 г., а также экономическая эксплуатация региона, который был главным донором на Украине; дончане справедливо требовали для себя больше экономических прав. И, конечно, на Донбассе не могли снести возрождение нацизма, ставшего едва ли не главным идеологическим оружием новой киевской власти.

И вот самое интересное – соотношение русских и украинцев в населении Донбасса. Согласно переписи населения Украины 2001 г., в Донецкой области 56,8% жителей назвали себя украинцами и 38,2% – русскими. При этом 79,4% указали в качестве родного языка русский. В Луганской области 56,9% населения идентифицировали себя в качестве украинцев и 38,2% – в качестве русских. 68,8% назвали русский язык родным [9; 10]. Как это все соотносится с представлениями о том, что Донбасс – это русский регион? И почему такой диссонанс между этнической и языковой самоидентификациями людей?

Отчасти это можно объяснить все той же политикой украинизации, проводимой в течение более чем двадцати лет, в результате чего часть населения Украины убедили в том, что они этнические украинцы, или побудили сделать такой выбор из опасений быть заподозренными в нелояльности своей стране. Вообще же на Украине, как и в других полиэтничных республиках бывшего СССР в период суверенизации и после обретения независимости, наблюдался характерный феномен «проснувшейся этничности» в среде членов этнически смешанных семей или групп населения, находившихся в состоянии психологического этнического пограничья. В России, кстати, такое тоже происходило – у некоторых нерусских народов, а некоторые субэтнические группы даже добились признания их в качестве самостоятельных этнических единиц.

Вместе с тем, Донбасс – это и особый случай. В силу особенностей освоения этого региона Россией его население с XIX в. (разработка угольных месторождений, устройство металлургической промышленности и пр.) формировалось выходцами из разных частей страны, преимущественно из великоросских, и с течением времени естественным образом перемешивалось. В результате Донбасс превратился в обширную этноконтактную зону, в которой проводить четкие этнические границы между людьми просто невозможно (эта зона распространяется и на российские пограничные территории). И никто этим не занимался до суверенизации Украины в результате распада СССР. А вот политика насильственной украинизации спровоцировала актуализацию русско-российской части самосознания дончан. Вообще же данные об этническом составе населения Донбасса и подобных ему этнически смешанных регионов надо принимать как довольно условные – этническое самосознание здесь лабильно и ситуативно. Любопытны в этой связи результаты, полученные в ходе опроса в Крыму, проведенного сразу после переписи: 6,5% опрошенных (огромная цифра!) указали двойную этническую идентичность [8: 27]. Думаю, на Донбассе этот показатель был бы еще больше.

Обращение к приведенным выше примерам показывает, что при исследовании и выработке способов разрешения сложных этнополитических проблем нельзя сбиваться к упрощенным подходам. И лучше бы избегать экзальтации и идеологических клише.

«Русский вопрос» в контексте проблемы политического самоопределения

В одном из своих телевизионных интервью о коллизиях вокруг Крыма министр иностранных дел РФ С.В. Лавров высказал такую мысль: в Крыму состоялся акт самоопределения – и точка, больше говорить не о чем. Думаю, Сергей Викторович несколько слухавил: не может быть, чтобы он не знал о серьезных проблемах и вездущихся вокруг них дискуссиях, связанных с категорией самоопределения в международном праве. При этом ни он, ни В.В. Путин, ни кто-либо еще из высших российских сановников никогда не делал акцент на том, что Крым – русский и потому ему самое место – в России. Возможно, они понимают, что *этническая русскость* в данном случае – не главное, и делать из него главный аргумент в вопросе о Крыме было бы неправильно. Но этого не понимают многие другие, в том числе депутаты Федерального собрания, политики, политологи, журналисты, публично высказывающиеся в СМИ по поводу Крыма и Донбасса. Невольно приходит в голову аналогия:

помню, что во времена «перестройки» автор какой-то публикации – к сожалению, уже и не помню, в какой именно – серьезно рассуждал о том, что моноэтническим может считаться государство, если титульный этнос составляет в нем 80% населения (с подтекстом – раз государство моноэтническое, то нет и тех меньшинств, права которых надо обеспечивать). Такой подход очень опасен – он ведет к государственной политике этнонационализма, что и являют некоторые постсоветские страны.

А вот иной и тоже достаточно распространенный подход – но уже «с другой стороны». Из уст одного из участников какого-то политического ток-шоу на Центральном телевидении, украинского «эксперта», прозвучала мысль, что население Донбасса не представляет собой отдельного народа (в этническом смысле) и поэтому не имеет никаких прав на самоопределение.

Если учесть еще сецессию Абхазии, Южной Осетии, «полунезависимость» Приднестровья, «отложенный суверенитет» Гагаузии¹, Косово, Каталонию и многие другие аналогичные случаи в современном мире², то ситуация с правовой точки зрения оказывается чрезвычайно запутанной, а, пожалуй, что и тупиковой. В действительности, с формально-правовой точки зрения, все рассуждающие о самоопределении с разных позиций правы и одновременно неправы.

Категория права на самоопределение относится к числу самых сложных проблем международного права и политической практики³. Зачастую она оказывается связанной с этническими и конфессиональными конфликтами, сепаратистскими движениями, действиями террористических организаций. Такая ситуация отчасти обусловлена тем, что парадигма самоопределения относится к числу наиболее политизированных вопросов, касающихся области этнических прав⁴.

Фундаментальная же причина того, что попытки формализации принципа самоопределения не дали до сих пор достаточно ощутимых результатов, заключается в его сложности по причине внутренней противоречивости. Когда мы переходим от декларирования права на самоопределение к скрупулезному анализу, возникает немало трудных вопросов: в чем суть права на самоопределение; кто и кем может быть признан его обладателем; как оно должно рассматриваться в контексте соотношения индивидуальных и коллективных прав; каковы механизмы осуществления права на самоопределение; где это право должно заканчиваться, чем и кем ограничиваться; приоритет национального или международного права должен действовать при реализации принципа самоопределения?

В некоторых международных актах можно обнаружить ссылки на то, что самоопределение действительно относится к числу неоспоримых прав. Так, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах, принятых Генеральной ассамблеей ООН в один и тот же день, 16 декабря 1966 г., сказано: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» (International Covenant). Следует, однако, отметить что эти установления появились уже после образования самой этой организации. В Уставе ООН только говорится, что среди ее целей является «...Развивать дружественные отношения между нациями, основанные на уважении принципа равных прав и самоопределения народов...» [11: ст. 1]. Идея самоопределения в рамках ООН стала разрабатываться и материализоваться в правовых актах только в 1950-е годы [12: 151].

Если же обратиться к истории возникновения и развития явления «самоопределения», то при большом желании его признаки можно обнаружить в какие угодно эпохи, когда происходило образование новых государств путем распада прежних или отделения их частей.

В новое время цепь самоопределений тянулась от нидерландской до американской войн за независимость. Однако возникновение и формализация идеи самоопределения как таковой относятся главным образом ко второй половине XIX века. Этот процесс был связан с возникновением *национальных движений*, претендовавших на создание собственных автономий или самостоятельных государств. Экономическая и политическая подоплека этого процесса хорошо исследована: вступление Европы в капиталистическую фазу развития, взаимодействие тенденций международной интеграции и национального размежевания.

Как бы это ни было неприятно современным идеологам антикоммунизма, сама формула самоопределения разрабатывалась и продвигалась в значительной степени в контексте социал-демократической мысли конца XIX в., а свое логическое и радикальное завершение получила в виде знаменитого ленинского императива о праве наций на самоопределение: «Право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации» [15: 255]. Радикализм заключался в том, что В.И. Ленин не только допускал отделение, но и настаивал на том, что право на самоопределение может быть таковым только при условии, что оно должно обязательно включать и право на отделение. Еще яснее высказался И.В. Сталин, когда предложил заменить расплывчатый, по его мнению, тезис о самоопределении «ясным революционным лозунгом о праве наций и колоний на государственное отделение, на образование самостоятельного государства» [16: 53].

Нет нужды в очередной раз описывать, как происходило «самоопределение» народов РСФСР, а затем и СССР. Союзные и автономные республики создавались не по мифической воле народов, а в силу политических, экономических, стратегических соображений, компромиссов между центральной властью и этническими элитами. Другой вариант «самоопределения» представлял собой вильсоновский план перedelки государственных границ Европы после Первой мировой войны. Идеологическая основа была иной. Общим было то, что в обоих случаях происходило «самоопределение» народов заинтересованными политическими силами.

Следующая крупная волна «самоопределения» пришлась на 1940–1960-е годы, когда колонии и зависимые страны обрели государственную независимость. Именно к этому периоду относятся и основополагающие документы ООН, касающиеся принципа самоопределения. Как и во всех предыдущих случаях, не сами народы, по большей части, решали, как им нужно самоопределяться, а ведущие державы мира. В результате образовалось множество очагов долговременных и часто кровопролитных конфликтов в Азии и Африке. Наконец, можно говорить о последней волне, связанной с распадом СССР.

Один из ключевых вопросов состоит в том, кто является носителем права на самоопределение? Если обобщить существующие формулировки и подходы, то можно сказать, что это некие группы, отличающиеся от основного населения государства теми или иными этнокультурными параметрами. К таким группам разные международные и национальные правовые документы, специалисты в области права и поли-

тических наук, политики, идеологи национальных движений, публицисты относят народы, нации, этносы, этнические, национальные, расовые, конфессиональные группы, меньшинства. Однако, согласия относительно определения носителей коллективных прав так до сих пор и нет.

В СССР нормативной была формула «право наций на самоопределение» (в этническом понимании нации), что соответствовало традициям ленинской и сталинской фразеологии. В сегодняшней России эта традиция сохраняется среди части обществоведов старой школы, не признающих новейшие изменения в «нациеведческой» и этнологической терминологии. В международно-правовых документах встречается упоминания о праве наций на самоопределение, однако определение нации в данном конкретном контексте не дается [см., напр., 12: 151]. При этом международная правовая практика и научная мысль решительно не воспринимают трактовку нации как этноса.

В контексте проблемы самоопределения и шире – коллективных прав – следует признать, что *нация* не должна отождествляться с *этносом* (в своих теоретических построениях ученые, конечно, вольны делать все, что им захочется). Эти общности в принципе по своей типологии, происхождению, исторической обусловленности, функциям не могут быть отождествлены. Вариант совпадения нации и этноса – исключительно гипотетический, поскольку в современном мире нет ни одного моноэтнического государства. Впрочем, таковых не было никогда. «Моноэтническими» не были и известные этнографам первобытные и архаичные общества, поскольку они почти всегда включали иноплеменников. А с точки зрения современных представлений о демократии и правах человека наличие даже одного *гражданина* – представителя иноэтнической группы – должно исключать квалификацию данного государства как государства-этнонации, если это влечет за собой распределение прав и обязанностей граждан.

Встречается вариант наделения правом на самоопределение *народов*. Этот подход содержится в ряде международных актов [17: 292; 12: 302]. На первый взгляд в связи с проблемой самоопределения термин «народ» представляется более удачным, чем термин «нация»: он гораздо менее теоретизирован и идеологически «ангажирован». Однако он оказывается и гораздо более многозначным, о чем неоднократно писалось в специальной литературе [18: 11]. Термин «народ» может быть применим, в частности, и к нации, и к этносу. В результате терминологические, а значит, и существенные проблемы, только усложняются.

Увязывание права на самоопределение с *нациями* и *народами* неудачно не только потому, что существуют разные концептуальные подходы к самой этой категории, но и потому, что соответствующие базовые понятия, определяющие субъекты этого права, оказываются нечеткими, неоднозначными по своему содержанию, даже если сделать скидку на различия сугубо лингвистические и терминологические в рамках разных концептуальных подходов. В рамках же права, как я себе представляю, не может быть поливариантности толкования терминов. Право на самоопределение должно иметь статус именно *права* в юридическом, а не в каком-то ином, абстрактном смысле. Таким образом, ни *нации*, ни *народы* не могут быть признаны а priori в качестве юридических, т.е. безусловных носителей права на самоопределение.

Примем, однако, данность: в контексте советологических/постсоветологических дискуссий принцип самоопределения по большей части увязывается с этно-

сами, этническими общностями, этническими группами и прочими социальными единицами, к которым так или иначе можно приставить магический определитель *этно-*, который зачастую парализует аналитические способности исследователей, не говоря уже о любителях.

При этом, однако, возникает лежащий на поверхности вопрос: почему именно этнические общности должны признаваться в качестве естественных претендентов на самоопределение и вообще на какие-то особые права? Этот вопрос весьма активно обсуждался в отечественной научной литературе и публицистике в конце 1980-х – начале 1990-х годов и не утратил своей актуальности до сих пор. И сегодня нередко приходится слышать, что специфические права этносов фактически выше прав индивидов. Утверждали, например, что этносы – это основные социальные структуры и даже главные элементы экономических отношений, что поэтому моноэтнические государства должны рассматриваться как норма, что генеральная тенденция современного политического развития человечества состоит в создании именно (моно)этнических государств [19]. Апологеты исключительности этносов оперируют обычно сугубо внерациональными аргументами типа того, что этносы – это нетленные гуманитарные ценности, носители чуть ли ни заданного высшей волей многообразия человеческого рода и т.п. Разумеется, подобные аргументы нельзя считать серьезными, хотя на поверку они зачастую оказываются очень даже рациональными, когда подоплеку составляют соображения политического или экономического характера, стремление обеспечить собственные интересы посредством лозунга защиты этнических прав.

Сделаем, однако, еще одно допущение, признав этнические права, включая этническое самоопределение, в качестве категории, соотносимой с гипотетическими «естественными правами». Но тогда возникает вопрос: какие группы людей могут считаться претендентами на роль носителей «этнических прав»?

Излишне говорить о дискуссиях, ведущихся, например, вокруг понятия «этнос» в отечественной литературе. Сторонники традиционного толкования «теории этноса» продолжают делать вид, что она остается непоколебимой, что, следовательно, с этносом в целом все понятно, а критики и сомневающиеся впали в грех конструктивизма, постмодернизма и т.п. Однако и новейшие веяния в отечественной этнологической теории не проясняют суть вопроса. Следует признать, что ни одна из существующих концепций, располагающихся в диапазоне «теория этноса – примордиализм – конструктивизм», не в состоянии дать удовлетворительных и исчерпывающих ответов на вопросы, касающиеся категории *этнического*, хотя каждая из них дает подход к пониманию отдельных аспектов проблемы.

Должен оговориться, что я не принадлежу к числу тех ученых, которые отрицают существование этносов, хотя, как ни удивительно это было прочесть, меня и упрекали в этом или в чем-то подобном [20: 7; 21: 14]. Если я писал о том, что этничность отчасти иррациональна (а именно на это указывали мои оппоненты), то имел в виду невозможность – по крайней мере с помощью современных научных методик – определить родовую функцию этничности и ограниченность наших рационально-познавательных способностей [22: 39–40]. Впрочем, я вообще не знаю ни одной работы, в которой полностью отрицалось бы существование этносов. В некоторых отечественных публикациях особенно достается именно по этому поводу В.А. Тишкову, недобрым словом поминают и Б. Андерсона, который имел несчастье назвать свою известную книгу «Воображаемые общности». Но справедливости ради

надо сказать, что В.А. Тишков со времени существенно смягчил свою ригористическую позицию в отношении «онтологического понимания» этноса, как и нации. А Андерсона у нас вообще многие не понимали – обычно авторы, неважно знающие английский язык или черпавшие представления о его работе из других публикаций. Об этом писал, например, С.В. Соколовский [23: 145]. Я тоже писал об этом много раз [см., напр., 24: 189].

Если вдуматься, то классические признаки этноса, выделяемые «теорией этноса», можно найти, например, в сообществах панков, байкеров, футбольных фанов и даже в виртуальном сообществе интернетчиков. Все они демонстрируют межпоколенную передачу традиции, особую (суб)культуру, особый язык (жаргон), собственные самосознание и самоназвание. Между прочим, нация (как *полиэтническое* общество) тоже отвечает этим критериям.

В связи со всем сказанным выше обнаруживается, что современная этнология не может дать строгого научного обоснования принципа этнического самоопределения, поскольку невозможно определить (в принципе, а значит, и в каждом отдельном случае), кто может и кто не может претендовать на это право.

Еще один круг проблем связан с критериями и процедурами самоопределения. Когда, при каких условиях можно быть уверенным, что имеет место именно *самоопределение*? Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о «классическом периоде» самоопределения, связанном с деколонизацией послевоенных десятилетий, а о 1970–1990-х годах. В это время политическая карта мира стабилизировалась, и вопросы самоопределения перешли из плоскости отношений между колониями и метрополиями в плоскость отношений внутри государств. Именно этот тип коллизий и вызывает до сих пор непрекращающиеся дискуссии среди специалистов.

Правда, соискатели этнического самоопределения и сегодня зачастую обосновывают свои требования тем, что они как раз и находятся на положении «внутренних колоний». Можно, например, вспомнить, что в период распада СССР практически все национальные движения, выступавшие за ту или иную форму политического самоопределения, заявляли, что их республики находятся в колониальной зависимости от Москвы. Очевидно, что подобные утверждения представляют собой не более чем идеологическое обеспечение сепаратизма и не имеют ничего общего с существующими актами ООН о деколонизации.

Таким образом, проблема самоопределения сегодня касается преимущественно положения и прав этнических и вообще каких-либо особых групп в независимых государствах. Если в случае с деколонизацией критерии были достаточно ясны и не требовалось выдвигать какие-то особые механизмы выявления воли «самоопределяющихся» народов, то в современных условиях это является одной из главных проблем.

Никогда сам этнос не выступает в качестве сознательного, активного и монолитного борца за что бы то ни было, в том числе и за политическую самостоятельность. Всегда такую роль играют политические группировки, претендующие на выражение интересов своего этноса. В действительности чаще всего они же и формулируют эти интересы и пытаются внедрить их в сознание соплеменников, хотя очевидно, что у этноса не может быть единых интересов по причине его внутренней социальной, а зачастую и культурной неоднородности. Требование самоопределения обычно есть не выражение единой и общей воли этноса, а, чаще всего, фальсификация ее этнической элитой.

Коль скоро этносы внутренне дифференцированы, возникает вопрос: если его члены расходятся во мнении относительно целесообразности самоопределения, то каково должно быть соотношение голосов, чтобы признать его выражением стремления *этноса* к политической самостоятельности? Надо подумать, возможны ли в принципе в данном случае демократические процедуры типа референдума. Подобные процедуры имеют смысл тогда, когда речь идет о важных вопросах жизни общества и требуется выявить личный выбор граждан. При этом принимается принцип демократического устройства общества: меньшинство подчиняется большинству. Самоопределение же этноса означает нечто иное: во-первых, выявление, а точнее конструирование, некоего единого мнения, а во-вторых, сецессию этноса или территориально-политическое обособление в рамках государства. А это создает множество проблем: в частности, возникает вопрос, что делать тем, кто не хочет «самоопределяться», как тут быть с правом меньшинств, особенно, если эти меньшинства имеют этническую специфику? Впрочем, если говорить, например, о распаде СССР, то акты или попытки самоопределения вовсе не сопровождались никакими демократическими процедурами. Более того, людям не позволяли раздумывать, сомневаться, дискутировать. Им было предписано стать независимыми.

Один из недостатков идеи этнического самоопределения в виде отделения заключается, как это ни парадоксально звучит, в недостижимости этой идеи. История не знает примеров построения (моно)этнических государств в результате актов самоопределения. В любом государстве есть иноэтническое население, которое вовсе не обязательно собиралось самоопределяться за компанию с отделившимся этносом. Характерные примеры – абхазы в Абхазии, осетины в Южной Осетии, молдаване, русские, украинцы и представители других национальностей в Приднестровье, гагаузы в Гагаузии. В таких случаях последовательное строительство этнического государства неизбежно будет выражаться в притеснении этнических меньшинств, как это происходит в Латвии и в несколько меньшей степени в Эстонии.

Идея самоопределения уязвима потому, что реализовать ее практически невозможно без ущерба для кого-то другого (для иных этнических групп, государств), а зачастую и для части собственного этноса. Не говоря уже о том, что чаще всего принцип самоопределения вступает в неразрешимое противоречие с основополагающими принципами международного сообщества – признанием суверенитета и целостности *существующих* государств – членов ООН. Все это имеет следствием то, что попытки «самоопределения» обычно порождают острые конфликты внутри государств, а в международных отношениях они часто используются в целях давления на соперников или даже разрушения недружественных государств.

* * *

Приходится констатировать, что вся существующая – именно существующая, а не действующая – система международного права, построенная в свое время вокруг принципа самоопределения, безнадежно устарела и требует капитальной ревизии. Это вытекает не только из ее концептуального анализа, но и из мировой практики последних десятилетий. Попытки самоопределения все меньше основываются на международно-правовых нормах и все больше имеют *ситуативный характер* – в зависимости от положения в самих соответствующих странах и внешней конъюнктуры.

Состоявшееся самоопределение Крыма и Донбасса в значительной степени относится к этой категории (кстати, думаю, я не очень рискую утверждать, что соответствующие референдумы относятся к тем, не очень частым случаям, когда они выражают волю действительно народов, а не элит). Дело отнюдь не только в историко-культурной связи с Россией и этническим составом. Власти сегодняшней Украины настолько прижали население этих регионов, что ему просто некуда было деваться, кроме как покинуть сферу ее юрисдикции. Пожалуй, оба случая можно квалифицировать не как *этническое самоопределение*, а как *культурно-региональное самоопределение* (социально-экономический фактор – «по умолчанию»).

А если вернуться к основной теме статьи, то, по моему мнению, оперирование такими категориями, как «русский вопрос», «русский мир», «русскоязычные», соотечественники для нужд практической политики, да и просто для ориентирования в современном мире, малопродуктивно. Подобных «вопросов» и «миров» можно найти или сконструировать множество, а в результате человеческий социум превратится из системы общественных связей, детерминированных, прежде всего, материальными факторами, в этнографо-политический виртуальный музей.

Примечания

- ¹ На референдуме в Гагаузии 2 февраля 2014 г. был одобрен проект закона АТО Гагаузия «Об отложенном статусе народа Гагаузии на внешнее самоопределение», который предусматривал выход автономии из состава Республики Молдова в случае ее вхождения в состав Румынии.
- ² М.Н. Губогло насчитал, что с 1944 г. по 2014 г. в Европе состоялось более 30 референдумов о самоопределении [13: 8–9].
- ³ Об этом я писал ранее и более подробно. [См., напр.: 1: 3–16; 5: 233–244; 14: 174–190].
- ⁴ Я имею в виду главным образом территориально-политические формы самоопределения (образование независимых государств или самоуправляющихся автономий), а также статуирование этнических общностей по признакам отнесения их к меньшинствам, коренным и малочисленным народам и т.п. с предоставлением им правовых, политических и экономических привилегий. И вовсе не потому, что считаю такие формы самоопределения базовыми или наиболее перспективными. Как раз наоборот. Для современной этнолого-правовой мысли все больше становится характерной тенденция рассматривать в качестве приоритетных, с точки зрения удовлетворения этнокультурных запросов и одновременно понижения политизации этничности, экстерриториальные формы в виде национально-культурной автономии и других способов самоорганизации граждан.

Литература

1. Чешко С.В. Доктрина самоопределения: иллюзии и реальность / Малахов В.С. и Тишков В.А. (под ред.) *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ*. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 233–244
2. Козлов В.И. *Русский вопрос. История трагедии великого народа*. М., 1995. 331 с.
3. Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. *Русский народ в национальной политике. XX век*. М.: Ozon.ru, 1998. 324 с.
4. Чешко С.В. *Идеология распада*. М.: ИЭА РАН, 1993. 230 с.
5. Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // *Этнографическое обозрение*, 2001. № 2. С. 3–16.
6. Севастьянов А. *Битва за русских. 2016*. Доступ: <http://sevastianov.ru/prochie-statji/bitva-za-russskih.-chastj-i.html>.
7. Чешко С.В. Рец. на: *Савинов Л.В. Управление национальными отношениями: учеб. пособие*. РАНХиГС, Сиб. Ун-т упр. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014 // *Вестник антро-*

- пологии. Новая серия, 2016. № 2 (37). С. 185–192.
8. Зорин В.Ю., Старченко Р.А., Степанов В.В. (ред.) *Этническая и политическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов*. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.
 9. Донецкая область 2015. Доступ: https://ru.wikipedia.org/wiki/Донецкая_область.
 10. Луганская область 2015. Доступ: https://ru.wikipedia.org/wiki/Луганская_область.
 11. Устав ООН. Доступ: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>.
 12. Абашидзе А.Х. Национальные меньшинства и право на самоопределение (международно-правовые проблемы) // *Этнографическое обозрение*, 1995. № 2. С. 151–162.
 13. Губогло М.Н. *Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму 16 марта 2014*. Кишинев, 2014.
 14. Cheshko S. The challenges of self-determination // Martynova M., Peterson D., Ignatiev R., Madariaga N. (eds.) *Peoples, Identities and Regions. Spain, Russia and the Challenges of the Multi-Ethnic State*. Moscow, 2015. Pp. 174 – 190.
 15. Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы) / *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 27.
 16. Сталин И.В. К постановке национального вопроса // *Соч.*, Т. 5.
 17. Международный пакт о гражданских и политических правах 1989 – Международный пакт о гражданских и политических правах / *СССР и международное сотрудничество в области прав человека*. М.: Международные отношения, 1989. С. 302–323.
 18. Бромлей Ю.В. *Современные проблемы этнографии*. М.: Наука, 1981. 389 с.
 19. Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни) // *Советская этнография*, 1989. № 4. С. 32–48.
 20. Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // *Этнографическое обозрение*, 1995. № 5. С. 7–10.
 21. Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // *Этнографическое обозрение*, 2000. № 2. С. 14–17.
 22. Чешко С.В. Человек и этничность // *Этнографическое обозрение*, 1994. № 6. С. 39–40.
 23. Соколовский С.В. Онтолого-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации / Тишков В.А., Филиппова Е.И. (отв. ред.) *Культурная сложность современных наций*. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 35–56.
 24. Чешко С.В. Рец. на: *Савинов Л.В. Управление национальными отношениями: учеб. пособие*. РАНХиГС, Сиб. Ун-т упр. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2014 // *Вестник антропологии*, 2016. № 2 (37). С. 185–192.

References

1. Cheshko S.V. The Doctrine of Self-Determination: Illusions and Reality. *Multiculturalism and the Transformation of Post-Soviet Societies*. V.S. Malakhov and V.A. Tishkov (eds.). Moscow: IEA RAS, 2002. (In Russ.) [Cheshko S.V. *Doktrina samoopredelenija: illjuzii i real'nost'*. *Mul'tikul'turalizm i transformacija postsovetskih obshhestv*. V.S. Malakhov and V.A. Tishkov (eds.). Moscow: IEA RAS, 2002].
2. Kozlov V.I. *The Russian question. The history of the tragedy of the great people*. Moscow, 1995. (In Russ.) [Kozlov V.I. *Russkij vopros. Istorija tragedii velikogo naroda*. Moscow, 1995].
3. Vdovin A.I., Zorin V.Yu., Nikonov A.V. *The Russian people in national politics. XX century*. Moscow: Ozon.ru, 1998. 324 p. (In Russ.) [Vdovin A.I., Zorin V.JU., Nikonov A.V. *Russkij narod v nacional'noj politike. XX vek*. Moscow: Ozon.ru, 1998.]
4. Cheshko S.V. *Ideology of decay*. Moscow: IEA RAS, 1993. 230 p. (In Russ.) [Cheshko S.V. *Ideologija raspada*. М.: IEA RAS, 1993].
5. Cheshko S.V. The Crisis of the Doctrine of Self-Determination. *Ehtnograficheskoe*

- obozrenie*, 2001, no. 2. Pp. 3–16. (In Russ.) [Cheshko S.V. Krizis doktriny samoopredelenija. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 2001, no. 2. Pp. 3–16].
6. Sevastyanov A. *The Battle for the Russians*. 2016. Access: <http://sevastianov.ru/prochie-statji/bitva-za-russkih.-chastj-i.html>. (In Russ.) [Sevastyanov A. *Bitva za russkih*. 2016. Dostup: <http://sevastianov.ru/prochie-statji/bitva-za-russkih.-chastj-i.html>.]
 7. Cheshko S.V. Review on: Savinov L.V. Management of National Relations: Textbook. allowance. RANHiGS, Sib. Un-t control. Novosibirsk: Publishing house of SibAGS, 2014. *Herald of anthropology*, 2016, no. 2 (37). Pp. 185–192. (In Russ.) [Cheshko S.V. Review on: Savinov L.V. Upravlenie nacional'nyimi otnoshenijami: ucheb. posobie. RANHiGS, Sib. Un-t upr. Novosibirsk: Izd-vo SibAGS, 2014. *Herald of anthropology*, 2016, no. 2 (37). Pp. 185–192].
 8. Zorin V.Yu., Starchenko R.A., Stepanov V.V. (eds.). *Ethnic and political map of Crimea. Organization of monitoring and early warning of ethnic and religious conflicts*. Moscow: IEA RAS, 2017. (In Russ.) [*Etnicheskaja i politicheskaja karta Kryma. Organizacija monitoringa i rannego preduprezhdenija jetnicheskikh i religioznykh konfliktov*. V.Yu. Zorin, RA Starchenko, V.V. Stepanov (eds.). Moscow: IEA RAS, 2017].
 9. *Donetsk region* 2015. Access: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Donetsk region](https://ru.wikipedia.org/wiki/Donetsk_region). (In Russ.) [*Doneckaja oblast'* 2015. Dostup: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Doneckaja oblast'](https://ru.wikipedia.org/wiki/Doneckaja_oblast').]
 10. *Lugansk region* 2015. Access: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Lugansk region](https://ru.wikipedia.org/wiki/Lugansk_region). (In Russ.) [*Luganskaja oblast'* 2015. Dostup: [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Luganskaja oblast'](https://ru.wikipedia.org/wiki/Luganskaja_oblast').]
 11. *The UN Charter*. Access: <http://www.un.org/en/charter-united-nations/index.html>. (In Russ.) [*Ustav OON*. Dostup: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>.]
 12. Abashidze A.Kh. National minorities and the right to self-determination (international legal problems). *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 2. Pp. 151–162. (In Russ.) [Abashidze A.H. Nacional'nye men'shinstva i pravo na samoopredelenie (mezhdunarodno-pravovye problemy). *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 2. Pp. 151–162].
 13. Guboglo M.N. *The energy of trust. The experience of the ethnosociological study of the referendum in the Crimea on March 16, 2014*. Kishinev, 2014. (In Russ.) [Guboglo M.N. *Energija doverija. Opyt jetnosociologicheskogo issledovanija referendumu v Krymu 16 marta 2014*. Kishinev, 2014].
 14. Cheshko S. The challenges of self-determination. *Peoples, Identities and Regions. Spain, Russia and the Challenges of the Multi-Ethnic State*. Moscow, 2015. Pp. 174–190. (In Russ.) [Cheshko S. The challenges of self-determination. *Peoples, Identities and Regions. Spain, Russia and the Challenges of the Multi-Ethnic State*. Moscow, 2015. Pp. 174 – 190].
 15. Lenin V.I. *The Socialist Revolution and the Right of Nations to Self-Determination (Theses)*. All collection, 5-th edition, vol. 27. (In Russ.) [Lenin V.I. *Socialisticheskaja revoljucija i pravo nacij na samoopredelenie (Tezisy)*. Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izdanie. Vol. 27]
 16. Stalin I.V. *To the formulation of the national question*. Compositions, vol. 5. (In Russ.) [Stalin I.V. *K postanovke nacional'nogo voprosa*. Sochineniya. Vol. 5].
 17. International Covenant on Civil and Political Rights 1989 – International Covenant on Civil and Political Rights. *USSR and international cooperation in the field of human rights*. Moscow: International Relations, 1989. Pp. 302–323. (In Russ.) [*Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah 1989 – Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah. USSR i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti prav cheloveka*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1989].
 18. Bromley Yu.V. *Modern problems of ethnography*. Moscow: Nauka, 1981. 389 p. (In Russ.) [Bromlej Ju.V. *Sovremennye problemy ethnographii*. Moscow: Nauka, 1981].
 19. Perepelkin L.S., Shkaratan O.I. Economic sovereignty of the republics and ways of development of peoples (theoretical discussion around issues of practical life). *Sovetskaya etnografiya*, 1989, no. 4. Pp. 32–48. (In Russ.) [Perepelkin L.S., Shkaratan O.I. Ekonomicheskij suverenitet respublik i puti razvitija narodov (teoreticheskaja diskussija vokrug voprosov prakticheskoi zhizni). *Sovetskaya etnografiya*, 1989, no. 4. Pp. 32–48].

20. Arutyunov S.A. Ethnicity – an objective reality (response to the article by S.V. Cheshko). *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 5. Pp. 7–10. (In Russ.) [Arutjunov S.A. Etnichnost' – ob'ektivnaja real'nost' (otklik na stat'ju S.V. Cheshko). *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 5. Pp. 7–10].
21. Zarinov I.Yu. Time to seek a common language (the problem of integrating various ethnic theories and concepts). *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 2000, no. 2. Pp. 14–17. (In Russ.) [Zarinov I.JU. Vremja iskat' obshhij jazyk (problema integracii razlichnyh jetnicheskih teorij i knepcij). *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 2000, no. 2. Pp. 14–17].
22. Cheshko S.V. Man and Ethnicity. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 1994, no. 6. Pp. 39–40. (In Russ.) [Cheshko S.V. Chelovek i jetnichnost'. *Ehtnograficheskoe obozrenie*, 1994, no. 6. Pp. 39–40].
23. Sokolovsky S.V. Ontology-logic of national: cultural complexity of national communities and problems of its categorization. *Cultural complexity of modern nations*. V.A. Tishkov, E.I. Filippova (eds). Moscow: Political Encyclopedia, 2016. (In Russ.) [Sokolovskij S.V. Ontologo-logiki nacional'nogo: kul'turnaja slozhnost' nacional'nyh soobshhestv i problemy ee kategorizacii. *Kul'turnaja slozhnost' sovremennyh nacij*. V.A. Tishkov, E.I. Filippova (eds). Moscow: Political Encyclopedia, 2016].
24. Cheshko S.V. Review on: Savinov L.V. Management of National Relations: Textbook. allowance. RANHiGS, Sib. Un-t control. Novosibirsk: Publishing house of SibAGS, 2014. *Herald of anthropology*, 2016, no. 2 (37). Pp. 185–192. (In Russ.) [Cheshko S.V. Recenziya na: Savinov L.V. Upravlenie nacional'nymi otnoshenijami: ucheb. posobie. RANHiGS, Sib. Un-t upr. Novosibirsk: Izd-vo SibAGS, 2014. *Herald of anthropology*, 2016, no. 2 (37). Pp. 185–192].

S.V. Cheshko. «Russian Question» in the ethno-political context.

The article deals with the concepts of «Russian question», «Russian world», «Russian-speaking» people, «compatriots», which form an important part of the conceptualization of Russia's foreign policy tasks from the point of view of many Russian politicians and experts. The author believes that these concepts are largely speculative and of little use for practical politics.

In the same context, the category of self-determination is analyzed. In the author's opinion, the interpretation of this category in international law is outdated and requires revision.

Key words: «Russian question», «Russian world», «Russian-speaking» people, «compatriots», «self-determination».